

Маски смеха в театре Козьмы Пруткова

У вымышленного сочинителя Козьмы Петровича Пруткова (1803 – 1863) был один воображаемый родитель – Прутков Петр Федотович (даты жизни остались в благодарной памяти сына) и четыре реальных духовных отца: Владимир, Алексей, Александр Михайловичи Жемчужниковы и Алексей Константинович Толстой (их двоюродный брат). Последний служил в почетной должности церемониймейстера Императорского двора, то есть ведал балами, фейерверками, маскарадами. Представим, что на один из маскарадов он пригласил директора Санкт-Петербургской Пробырной Палатки, уже знаменитого поэта, драматурга, автора афоризмов Козьму Пруткова.

Предлагаю в нарядной круговерти праздника обратить внимание на этого осанистого, плотного господина, время от времени выходящего из зала, чтобы вернуться в одной из масок, составляющих его творческий облик.

«РЕЗОНЕР»

Прутков был вызван к жизни Крыловым.

В «Биографических сведениях о Козьме Пруткове» читаем:

«... Алексей Жемчужников и брат его Александр ободрили его (Пруткова. – А. С.), склонив заняться сочинением басен. Он тотчас возревновал славе И. А. Крылова, тем более, что И. А. Крылов тоже состоял в государственной службе и тоже был кавалером ордена св. Станислава 1-й степени. В таком настроении он написал три басни: «Незабудки и запятки», «Кондуктор и тарантул», «Цапля и беговые дрожки»...» . [1]

Баснописцами не рождаются. Рождаются поэтами. А баснописцами становятся, обзаведясь внушительным брюшком. Причиной тому – подчинившиеся рассудку собственные страсти да еще пиры горой в господских усадьбах у широких, как их застолья, хозяев-хлебосолов. Баснописец – это поэт с брюшком. Крылов родился поэтом, прошел через положенные поэту страдания и стал баснописцем, снискавшем всемирную славу. Именно к ней и возревновал Козьма. Позже он напишет: «... я хочу славы. Слава тешит человека. Слава, говорят, «дым»; это неправда». [2] Как литератор, он сразу появился на свет «с брюшком» - сразу начал с басен.

Уточняю: Прутков родился из ревности к славе Крылова.

Духовные отцы будущего гения не могли пережить того обстоятельства, что они – такие молодые, такие талантливые, такие балагуры, а вся слава у «дедушки Крылова», у сочинителя времен Екатерины Великой, который даже в присутствии Пушкина умудрялся оставаться любимцем публики, литерато-

ром №1. Конечно, ревность эта была наигранной, не серьезной. Опекуны прекрасно понимали, с кем они имеют дело. Слишком яркой была одаренность их воображаемого соперника: его органичность, композиционная хватка, потрясающее чувство языка. И тем не менее они решили сразиться с ним на его же поле – на поле басни. Правда, не будь дураками, они пошли на хитрость. Вместо того, чтобы пополнять крыловский зоопарк и упражняться в чтении традиционных моралей, братья сочинили несколько пародий на басни Крылова, умножив юмор оригинала юмором пародических перепевов. Успех первых трех напечатанных в «Современнике» опусов (еще без подписи Пруtkова) превзошел все ожидания. И читатели и критики дружно рукоплескали. Что же нового они обнаружили в журнальной публикации?

Если Крылов вослед Лафонтену, а Лафонтен вослед Эзопу высмеивали под масками зверей человеческие пороки, то Пруtkов смеялся над резонерством жанра, сам надев на себя маску резонера. Фактически он предложил новый тип басни, в котором подтруниванию подвергались не столько людские пороки, сколько форма их осуждения: литературный жанр – его стиль, его назидательный пафос.

«ПРОФАН»

Во всех трех баснях резонер предстает круглым дураком, свидетелем самоочевидного. Что он утверждает? Лечи мозоли камфарой. Не пускайся в путь без денег. Будь тем, кто ты есть.

По словам попечителей, особенность Пруtkова в том, что он постоянно «ломится в открытые двери». С умным видом изрекает трюизмы. Он – проповедник ходячих истин. Представьте себе компанию образованных людей, перед которыми выступает назидательный их профан. В ограниченных дозах это смешно, особенно, если профан – литературный герой, и всегда есть возможность прихлопнуть его обложкой. Вот примеры «плодов» таких «раздумий»; того, что профанирующий автор громко величал «афоризмами».

Начиная свое поприще, не теряй, о юноша! драгоценного времени.

Лучше скажи мало, но хорошо.

Чем скорее проедешь, тем скорее приедешь.

Детям, у коих прорезываются зубы, смело присоветую фиалковый корень! [3]

Эта резонерская дурь составляет важный аспект прутковского юмора. Попечители наглядно показывают нам со стороны, как мы глупы, когда мы банальны. Почему болтун производит впечатление профана? Потому, что болтовня, если она не вранье, есть повторение общих мест. Болтун ничего не знает толком, по существу. Вот он и трещит, нанизывая одну банальность на другую. У кого нет своего, тот довольствуется об-

щеизвестным. По справедливому замечанию Козьмы:

Болтун подобен маятнику: того и другой надо остановить.

«АБСУРДИСТ»

Оттуда вообще возникла эта идея – облекать тривиальное в форму законченного высказывания, произносимого с нарочитой серьезностью?

Ответ мы находим в ранних шалостях Алексея Толстого. Скажем точно: в его пьеске “Semikolon” («Точка с запятой»).

Из реплики Герцога:

Если поскользнешься и утонешь, то можешь легко лишиться жизни.

Из реплики Генуэзца:

Если бы нам можно было пройти поперек, то, я уверен, мы бы перестали ходить вокруг.

Не отсюда ли – из домашних экспромтов – вырос прутковский пафос самоочевидного?

Банальностям противоположна оригинальность. Но оригинальное в устах Козьмы раздувается в такой гротеск, что становится абсурдным. Истоки этого абсурда лежат в той же «Точке с запятой». Смотрите, как Толстой в ремарке к Прологу строит нелепейшее пространство со смятыми масштабами.

«Пустынное место. На первом плане урыльник (ночной горшок. – А. С.), а в нем демижур (сумерки. – А. С.). Герцог Мендоза идет по краю (урыльника. – А. С.), а перед ним генуэзец Рахманов с фонарем. В урыльнике плывет корабль на всех парусах».

Не из этой ли юношеской «галиматьи» возникла «Фантазия» — пародия на водевили?

Уже известное нам уточнение (Прутков родился из ревности к славе Крылова) мы можем дополнить: а если иметь в виду не человеческие страсти, но юмористические приемы, то Прутков родился из резонерской банальности и абсурда.

«ГОНИМЫЙ ПОЭТ»

Эту маску Прутков примерял не раз.

Абсурд, аффект, гротеск – три китеныша, на которых зиждется стихотворение «Мой портрет», открывающее Полное собрание сочинений Козьмы Пруткова. В нем автор впервые олицетворяет себя с гонимым поэтом.

Когда в толпе ты встретишь человека,

Который наг...

Немедленно следует сноски: «Вариант: «На моем фрак».

Неважно одет поэт или раздет. Главное соблюсти краесогласие: *наг* –

фрак – шаг. Не в сути дело. Дело в рифме. Маленький урок формализма. Попутный, шуточный. А следом – портрет стихотворца, «чей лоб мрачней туманного Казбека, // Неровен шаг»; «власы подъяты в беспорядке»; он не говорит, он вопиет; «дрожит в нервическом припадке»... И – вдруг нечто прямо противоположное:

В моих устах спокойная улыбка,
В груди – змея!

Аффект разрешается абсурдом. Вздрыбленные «власы», как сумасшедшая корона, «подъяты» над «спокойной улыбкой», а всегдашняя «нервическая» дрожь совпадает с холодной расчетливостью «змеи»!

Это не поэт, а химера.

И пока он в «припадке» – в пифической власти вдохновения, – его язвят и язвят зоилы – ничтожные критиканы, а дурни треплют лавровые веточки, которыми он украшает виски:

... Толпа венец его лавровый
Безумно рвет.

Да, венец! Ибо ему нечего краснеть за себя, но есть чем гордиться. Пусть глупцы и профаны прикрывают свои достоинства фиговыми листками. Достоинство поэта – его разум, обрамленный священным лавром!

Та же тема возникает в мистерии «Сродство мировых сил».

Из монолога Поэта:

Меня людей преследует вражда;
Толкает в гроб завистливая злоба!
Да! есть покой, но лишь под крышей гроба;
А более нигде и никогда.
О, тяжелы вы, почести и слава!
Нещадны к вам соотчицей сердца!
С чела все рвут священный лавр венца,
С груди – звезду святого Станислава!

Даже ордену завидуют негодяи.

Однако порой гонимый поэт не выдерживает продолжительности гонений и переходит в контрнаступление.

И, злобы исполнясь, как грозная туча,
Стихами я вдруг над толпою прольюсь:
И горе подпавшим под стих мой могучий!
Над воплем страданья я дико смеюсь.

Но толпа не унимается. Она костит поэта, забыв, что перед ней не просто сочинитель – мастер стиха, но одновременно и директор Пробырной Палатки – мастер клеймления золотых и серебряных слитков. О, горе нам, горе! Что и кого мы клеймим?.. Мы всегда клеймим самое драгоцен-

ное, что у нас есть – наши металлы, наших золотых поэтов, серебряных песнетворцев... И возвращаясь к образам «Моего портрета», снова увещевая толпу, Козьма восклицает:

Постой!.. Скажи: за что ты злобно так смеешься?

Скажи: чего давно так ждешь ты от меня?

Не льстивых ли похвал? Нет, их ты не дождешься!

Призванью своему по гроб не изменя,

Но с правдой на устах, улыбкою дрожащих,

С змеею желчное в изношенной груди,

Тебя я наведу в стихах, огнем палящих,

На путь с неправого пути!

Мировая скорбь, презрение к непосвященным, гордое одиночество – вот те атрибуты романтической поэзии, которые осмеивает Прутков. Но в отличие от изверившихся романтиков он еще надеется свернуть толпу с неправого пути, ибо Прутков – большой оптимист.

Развито в нем и чувство справедливости, когда в другом откровении, заклеив толпу, он уравнивает гнев против нее анафемой поэтам. Впрочем, анафема эта, по счастью и по особенной прутковской логике, завершается вдруг самым добросердечным панегириком.

В поэте ты (читатель. – А. С.) видишь презренье и злобу;

На вид он угрюмый, больной, неуклюж;

Но ты загляни хоть любому в утробу, -

Душой он предобрый и телом предюж.

«ПОДРАЖАТЕЛЬ»

Эта перемена – любимейшая у Козьмы.

Все братья в высокой степени были наделены артистическим даром копирования и проявили свой артистизм не только в пластической имитации, но и в литературной пародии. Тем не менее именно против пародийности принадлежащих ему опусов Прутков возражал и возражал категорически! Он считал себя не пародистом, а подражателем. Согласно его убеждению, подражание несравненно предпочтительней пародии, ибо оно благонамеренно, тогда как пародия вольнодумна, ведь подражание есть повторение уже прославленного, то есть получившего одобрение начальства, а пародия есть насмешка над прославленным, то есть косвенно насмешка над мнением начальства.

Разница между подражанием и пародией не в исполнении, а в цели или, как полагал Ю. Н. Тынянов, не в форме, а в функции. Техническая задача у них одинаковая: как можно ближе воспроизвести стиль оригинала. А вот цели разные. Подражатель стремится подняться до оригинала, отсюда он почтителен, благоговееен. Пародист же стремится опустить оригинал, от-

сюда он шутив, а то и насмешлив. Самая сильная пародия та, что по форме сливается с оригиналом, а функционально противостоит ему.

Судите сами, подражает Козьма Прутков известным поэтам своего времени или пародирует их.

Для примера обратимся к трем авторам, вызывавшим особый интерес Козьмы.

Впереди всех идет Владимир Бенедиктов.

Не исключено, что именно он послужил прототипом биографии Пруткина – поэта-чиновника. Между ними есть ряд параллелей. Козьма был директором Пробирной Палатки, а Владимир – директором Заемного банка. По-видимому, оба пользовались расположением начальства. Оба сочиняли (не в ущерб службе). Но к моменту их знакомства Бенедиктов уже добился славы, а Прутков еще нет. Поскольку по мнению Козьмы собственный путь к славе слишком тернист и долог, то, чтобы его укоротить, надо идти проторенной дорожкой. Вот он и задумал подражать Бенедиктову.

Как поэт, директор Заемного банка стал знаменит на всю Россию. Успех его был огромен. Публика восприняла его как крупного лирика. Не одни только приказчики поставили Бенедиктова выше Пушкина, не замечая, что гармония и красота в стихах директора подменены чрезмерностью и красотой. А Прутков это заметил. Бенедиктов был нарочит, и Прутков это подчеркнул. Что делать! Рецепторы художественного вкуса у оригинала оказались притуплены, а у «подражателя» работали безупречно, навсегда связав бенедиктовские «Кудри» с пародией «Шея».

Бенедиктов:

Кудри девы-чародейки,
Кудри – блеск и аромат,
Кудри – кольца, струйки, змейки,
Кудри – шелковый каскад!

Прутков:

Шея девы – наслажденье;
Шея – снег, змея, нарцисс;
Шея – ввысь порой стремленье;
Шея – склон порою вниз.

А теперь слово Николаю Щербине – певцу античных красот как понимал их он – потомок украинских казаков и пелопонесских греков. Вот последнее восьмистишие его «Письма», посланного, якобы, из беотийской деревни в Центральной Греции.

(...)Будто в море, я весь погружен
В созерцанье безбрежной природы
И в какой-то магический сон,
Полный жизни, ума и свободы.

Здесь от речи отвыкли уста:
Только слухом живу я да зреньем...
Красота, красота, красота! –
Я одно лишь твержу с умиленьем.

Прутков пошутил над этой эстетикой так:

(...)Померанцы растут предо мной,
И на них в упоенье гляжу я.
Дорог мне возделенный покой.
«Красота! красота!» — все твержу я.

А на землю лишь спустится ночь,
Мы с рабыней совсем обомлеем...
Всех рабов высылаю я прочь
И опять натираюсь елеем.

Третий пародируемый автор - Алексей Хомяков, основоположник славнофильства, философ, поэт, публицист, человек основательных идей. Между тем заранее заданная идея – враг поэзии. Лирический отклик идет от сердца, а не от разума, и априорность тут плохая помощница. Она сделала смешной концовку хомяковского стихотворения «Иностранка». В нем автор обращается к фрейлине А. О. Смирновой-Россет, по происхождению итальянке, славит ее красоту, ее душу, осененную светлым ангелом, но сетует на отсутствие в ней русского патриотизма.

(...)Пою ей песнь родного края, –
Она не внимлет, не глядит!
При ней скажу я: «Русь святая!»
И сердце в ней не задрожит.
И тщетно луч живого света
Из черных падает очей:
Ей гордая душа поэта
Не посвятит любви своей.

Отклик Пруткова безупречен:

Вокруг тебя очарованье.
Ты бесподобна. Ты мила.
Ты силой чудной обаянья
К себе поэта привлекла.
Но он любить тебя не может:
Ты родилась в чужом краю,
И он охулки не положит,
Любя тебя, на честь свою.

От этой «не положенной охулки» весь хомяковский пафос киснет на глазах. И это – подражание? Почтительное копирование?..

Конечно, не одна ревность к славе Крылова, не только желание побалагурить, поупражняться в нелепостях и трюизмах заставляли Козьму Петровича братья за перо. Как эстет, как сторонник чистого искусства, он не терпел подмену гармонии нарочитостью; а как этик, – подчиненность лирического движения внушенной идее. При этом обратим внимание на то, сколь тонки, сколь интеллигентны его пародии. В них нет ни тени вульгарности, ничего пошлого. Если не знать, что за ними стоят конкретные прототипы, то можно подумать, что это просто юмористические стихи.

Пародии Пруtkова есть школа художественного вкуса.

А память о том, что весь корпус его творений пародиен, то это даже не школа, а целый университет. Однако, помимо всего, пародии Козьмы позволяли формировать гражданскую позицию, объединять читателей в неполитическую партию порядочных людей с чувством юмора, ведь среди многочисленных смен прутковского маскарада была еще одна маска.

«САНОВНИК МЫСЛИ»

Впервые он примерил ее как раз в «Мыслях и афоризмах». Здесь сама форма поучительных изречений дала возможность Козьме явить безапелляционность, гордое самомнение, самодовольство, веру в непогрешимость своих взглядов. Так способен говорить человек, не сомневающийся не только в завтрашнем дне, но и во вчерашнем. Никакой вины за собой он не чувствует; значит, ему не в чем каяться; значит, его прошлое пересмотру не подлежит.

О собственной жизни Пруtkов мог бы сказать: «Я доволен». Озорной (что простительно) недоросль, красавец (надо думать) гусар, усердный чиновник, дослужившийся до директора проб и клеймлений, чадолюбивый отец, благонамеренный гражданин, гениальный поэт и мыслитель... При этом не надмирный философ, витающий в облаках, не бедный пасынок свободы, а прочно утвердившийся на земле, благоденствующий «сановник в области мысли». Он уверен, что «только в государственной службе познаёшь истину»; что «доблий муж подобен мавзолею»; а «полиция в жизни каждого государства есть».

Пожелай мы настроить его душу на самую важную для него ноту, нам пришлось бы взять камертон, вилочку которого украшала бы гравировка: «Благонамеренность и усердьё». Что же касается вознаграждения за труды, то о нем Козьма мечтал еще смолоду в морали к басне «Звезда и Брюхо».

Но главное: не отставай от службы!

Начальство, день и ночь пекущееся (так! – А. С.) о нас,

Коли сумеешь ты прийтись ему по нраву,

Тебя, конечно, в добрый час

Представит к ордену святого Станислава.

Из смертных не один уж в жизни испытал,

Как награждают нрав почтительный и скромный.
Тогда, – в день постный, в день скоромный, –
Сам будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и с бодрым духом,
И с сытым брюхом!
Ибо кто ж запретит тебе всегда, везде
Быть при звезде?

И все же вершиной его усердия и благонамеренности следует считать «Проект: о введении единомыслия в России». Автор сочинил его в 1859 году в преддверии великой крестьянской реформы, когда отмена крепостного права из дела туманно-отвлеченного вдруг по воле Александра II стала событием ближайшего времени. Козьма Прутков, как персона преданная государю, не мог противостоять принятию манифеста. Однако, будучи дворянином, из сословной солидарности с теми, у кого реформа отнимала известные привилегии, он был не в силах и приветствовать ее. И тогда Козьма Петрович выступил не против реформы, но за создание едино мыслящей России. По его волшебной задумке следовало учредить правительственный орган печати, устанавливающий «одно господствующее мнение по всем событиям и вопросам», чтобы все остальные органы лишь перепечатывали мнение главного. При этом «Проект» обязывал всех чиновников этот главный орган непременно выписывать, а в противном случае «отнюдь не повышать ни в должности, ни в чины, и не удостоивать (так! – А. С.) ни наград, ни командировок».

«Проект» оказался пророческим и смог воплотиться в жизнь тогда, когда на смену разноголосой монархии к власти пришла сольная партия...

Благополучие, несчастье, бедность, богатство, радость, печаль, убожество, довольство суть различные явления одной исторической драмы, в которой человеки репетируют роли свои в назидание миру.

[1] См. настоящее издание. С.....

[2] Там же. С.....

[3] Высушенный корень ириса испокон веку прописывали детям чесать десны, чтобы унять зуд, *когда режутся зубки. Примеч. Козьмы Пруткова*

Примечание:

Алексей Евгеньевич Смирнов родился в Москве (1946). Поэт, писатель, историк литературы, переводчик. Автор многих поэтических сборников, в том числе «Спросит вечер», 1987; «Даши Марго», 1991; «Кораблик», 2007; «Зимняя канавка», 2012; «Избранное», 2016. Автор-исполнитель цикла передач «Звезды поэзии на музыкальном небосклоне» (музыкальное радио «Орфей»). Публикации: «Новый мир», «Знамя», «Вопросы литературы» и др. Лауреат Литературной премии им. Чехова. Постоянный автор ПМ.